

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15123

EDN: QGWFUH

Концепция и поэтика литературных циклов В. И. Даля 1830-х гг. («Пяток первый» и «Были и небылицы»)

К. Г. Тарасов

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: kogetar@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены прозаические циклы В. И. Даля «Пяток первый» и «Были и небылицы» как части единого авторского замысла, возникшего еще в годы обучения В. И. Даля в Дерптском университете (совр. Тарту). Произведения, входящие в указанные циклы, написаны и изданы в 30-е гг. XIX столетия, когда русская литература стремилась к созданию большой эпической формы. Автор исследования, определяя идейно-художественную концепцию далевских текстов, показал, насколько рассматриваемые прозаические циклы вписываются в историко-литературный контекст 1820–1830-х гг. и какое место в нем занимают. «Пяток первый» и «Были и небылицы» анализируются как специфическое жанровое единство и сравниваются с произведениями В. Т. Нарезного, Антония Погорельского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Ф. Одоевского, М. Н. Загоскина. В статье доказывается, что именно русская народная сказка, ее жанровые, языковые, тематические и художественные особенности послужили главным средством для реализации авторского замысла. Особое внимание уделяется тому, как умело В. И. Даль соединял фольклорную и литературную традиции, используя в большинстве произведений циклов сказ как особый тип повествования, вводя в структуру повествования образ рассказчика. Это позволило писателю сталкивать как устные элементы культуры со штампами письменной речи, так и произведения разных жанров, тем самым представляя цельную картину развития русской литературы рассматриваемого периода. В результате анализа поэтики «Пятка первого» и «Былей и небылиц», их сравнения с другими прозаическими циклами, установлен тот факт, что первые литературные циклы В. И. Даля отражали авторские поиски в области стиля и жанра и во многом предопределили пути развития русской прозы XIX в.

Ключевые слова: В. И. Даль, русская литература, прозаический цикл, поэтика цикла, литературный контекст, жанр, сказка

Для цитирования: Тарасов К. Г. Концепция и поэтика литературных циклов В. И. Даля 1830-х гг. («Пяток первый» и «Были и небылицы») // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 2. С. 145–158. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15123. EDN: QGWFUH

Scientific article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15123

EDN: QGWFUH

Concept and Poetic of V. I. Dahl's Literary Cycles of the 1830s ("The First Five Tales" and "True Stories and Tall Stories")

Konstantin G. Tarasov

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: kogetar@yandex.ru

Abstract. The article considers V. I. Dahl's prose cycles "The First Five Tales" and "True Stories and Tall Stories" as parts of the author's integral concept that emerged in the years of V. I. Dahl's studies at the University of Dorpat (present-day Tartu). The works included in these cycles were written and published in the 1830s, when Russian literature was striving for the large epic form. In the process of defining the ideological and artistic concept of Dahl's texts, the author of the study demonstrates the extent to which the prose cycles under consideration fit into the historical and literary context of the 1820s — 1830s and the place they occupy in it. "The First Five Tales" and "True Stories and Tall Stories" are analyzed as a specific genre unity and compared with the works of V. T. Narezhny, Antoni Pogorelsky, A. S. Pushkin, N. V. Gogol, V. F. Odoevsky, and M. N. Zagoskin. The article proves that it is the Russian folk tale, its genre, linguistic, thematic and artistic features that served as the foremost means for the realization of the author's idea. Particular attention is paid to the skill with which V. I. Dahl combines folklore and literary traditions, using fairy tales in most works as a special type of narration, introducing the image of the narrator in the structure of the narrative. This allows the writer to collide both oral elements of culture with written clichés, and works of different genres with each other, thus presenting a complete picture of the development of Russian literature in the period under consideration. As a result of analyzing the poetics of "The First Five Tales" and "True Stories and Tall Stories," their comparison with other prose cycles, it is established that the first literary cycles by V. I. Dahl reflect the author's exploration of style and genre and largely predetermine the development of Russian prose of the 19th century.

Keywords: V. I. Dahl, Russian literature, literary cycle, poetics of the cycle, literary context, genre, literary tale

For citation: Tarasov K. G. Concept and Poetic of V. I. Dahl's Literary Cycles of the 1830s ("The First Five Tales" and "True Stories and Tall Stories"). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 2, pp. 145–158. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15123. EDN: QGWFUH (In Russ.)

В 1830-е гг., в начале своего творческого пути, В. И. Даль создает два литературных цикла. Книга «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаким Владимиром Луганским. Пятюк первый» была издана в 1832 г. в петербургской типографии А. Плюшара. Второй цикл, состоящий из четырех книг, выходил в течение 1833–1839 гг. (СПб., тип. Н. Греча) под общим заглавием «Были и небылицы Казака Луганского».

Таким образом, далевские прозаические циклы, с учетом первой сказки «Сила Калиныч, душа горемычная, или Русский солдат ни в аду ни в раю», завершённой зимой 1828–1829 г. [Фесенко, 1996: 123] и по цензурным соображениям не вошедшей в первое издание «Пятюк первого», охватывают целое десятилетие развития русской прозы, которая именно в этот период тяготеет к созданию большой эпической формы. Специфические условия и причины этого явления изучены и зафиксированы такими исследователями, как В. С. Киселёв [Киселёв], Л. Е. Ляпина [Ляпина], И. В. Фоменко [Фоменко] и др. Известен факт, что свою повесть «Цыганка», вошедшую в первую книгу «Былей и небылиц», В. И. Даль вместе с одной из сказок «Пятюк первого» отправляет Н. А. Полевому для издания в журнале «Московский Телеграф»:

«Предлагаю Вам Цыганку мою на суд и благорассмотрение — а если угодно — Ивана без роду без племени, горемычную голову, угнетаемого Губернатором Графом Чихирем пяточной головой, получившего в награждение услуг своих мундир из одних выпусек, по кресту на пуговичку, по банту на петличку!» (цит. по: [Фесенко, 1994: 11]).

На основании приведенного литературного факта можно предположить, что и «Пятюк первый», и «Были и небылицы» являлись частями общего авторского замысла, возникшего еще во время обучения Даля в Дерптском университете.

Анализируя сказки, входящие в «Пятюк первый», Ю. П. Фесенко отметил, что этот литературный цикл «подводил своеобразный итог предшествующему литературному развитию, способствовал более углубленному постижению проблемы народности и принципиально намечал дальнейшие пути

становления русской прозы» [Фесенко, 1996: 137]. Исследователь также обратил внимание на то, что Даль «разнообразно "процитировал" практически все значимые литературные стили первой трети XIX в.» [Фесенко, 1996: 137], и рассмотрел его ранние литературные произведения в контексте всего творческого наследия автора [Фесенко, 1999]. Продолжая говорить о «Пятке первом» как о цикле, К. Г. Тарасов указал на сказ как на особую форму повествования в сказках, а также отметил особенности использования пословично-поговорочного материала [Тарасов]. Н. Л. Юган в монографии, посвященной «Былям и небылицам», рассмотрела особенности сюжетики, проблематики, систему образов, композиционные особенности текстов, входящих в этот цикл, доказав, что данные тексты необходимо рассматривать как специфическое жанровое единство [Юган, 2006]. Она же подробно описала новаторские принципы сказочного творчества В. И. Даля [Юган, 2013]. Автора данной статьи прежде всего интересует, насколько далевские прозаические циклы вписываются в историко-литературный контекст 30-х гг. XIX в. и какое место «Пяток первый» и «Были и небылицы» в этом контексте занимают.

После издания циклов В. Т. Нарезного «Славенские вечера» (1826) и Антония Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828) интерес к таким жанровым образованиям заметно возрос. Один за другим появляются циклы А. С. Пушкина «Повести Белкина» (1831), Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832), «Миргород» (1835), В. Ф. Одоевского «Пестрые сказки» (1833), М. Н. Загоскина «Вечер на Хопре» (1834), Н. А. Полевого «Повести Ивана Гудошника» (1843) и многие другие.

В одном из своих обозрений русской словесности начала 30-х гг. XIX столетия И. В. Киреевский сравнивал русскую литературу с ребенком, «который только начинает чисто выговаривать», и, подчиняясь духу времени, ставил вопрос о необходимости новой философии: «Но откуда придет она? Где искать ее? Конечно, первый шаг наш к ней должен быть присвоением умственных богатств той страны, которая

в умозрении опередила все другие народы. <...> *Наша философия должна развиться из нашей жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного быта*» [Киреевский: 101, 68].

Высказывание Киреевского напрямую связано с проблемой народности, которая «оказывается в центре литературной борьбы» [Лотман: 325] начиная с первого десятилетия XIX в., что свидетельствует об осмыслении чрезвычайно важного момента в развитии искусства и литературы. Именно в рассматриваемый период национальный колорит пронизывает литературное произведение, находя отражение в выбранных темах и затронутых вопросах, в характере героя, в осмыслении его единства с окружающей действительностью, его роли в развитии исторических событий, оказывает влияние на художественный метод, отчетливо проявляется в стилистике работ, в применении родного языка, фольклорных мотивов, формирует эстетические ценности.

Стремление литературы к реализации принципов народности приводило к тому, что художник опирался, «с одной стороны, на культурно-исторический опыт образованных слоев, а с другой — на непосредственные проявления массового сознания как в социальной действительности, так и в народном искусстве» [Муценко, Скобелев, Кройчик: 9]. Именно такое стремление литературы явилось основной причиной ее тяготения к сказке, преимущество которой перед другими жанрами в том, что присущие ей особенности давали возможность многообразного ее использования для выполнения различных авторских задач. Характерные особенности жанра сказки: широта охвата жизненных явлений, четкость социальных и моральных идеалов, яркость и типичность художественных образов, отражающих специфику национального характера, фантастика и в то же время органическая связь с реальной жизнью, стиль и язык — оказались привлекательными для литераторов. Многие авторы прозаических циклов рассматриваемого периода активно обращаются к устному народному творчеству. Так, в произведениях Н. В. Гоголя, Антония Погорельского, В. Ф. Одоевского, М. Н. Загоскина

сюжетной основой стали былички, легенды, предания с присущей им специфической системой образов (русалки, черти, ведьмы, домовые и т. д.), поэтикой ужасного и фантастического, загадочного и непостижимого. В произведениях Антония Погорельского («Лафертовская маковница»), В. Ф. Одоевского («Игоша»), М. Н. Загоскина («Неожиданные гости») встречаются русские былички, а у М. П. Погодина («Суженый») — календарный обряд (гадание). В этих текстах фольклорные элементы применяются для придания особого колорита, изображения народных черт характера, введения в повествование фантастических мотивов и обоснования сюжетных линий. Использование лишь отдельных жанров устного творчества в циклах 1820–1830-х гг. не дает возможности для формирования полноценного и непредвзятого взгляда на народную жизнь. Исключение из этой тенденции представляют циклы Н. В. Гоголя, но при многообразии представленных им фольклорных жанров в стремлении постичь и выразить «дух народа» писатель показал национальную народную действительность не во всех ее сущностных проявлениях и преимущественно в идеализированном виде (см.: [Юган, 2006: 106–130]). Фольклорная сказка здесь осталась в стороне.

Для В. И. Даля ключевым источником вдохновения при создании «Пятка первого» и «Былей и небылиц» являлась именно народная сказка. Автор использует сказку во всем богатстве сюжетов, мотивов, образов, жанровых разновидностей, разном бытовании (в устных и лубочных вариантах). Интерес Даля к данному жанру вполне закономерен, ведь именно в народной сказке, передаваемой из поколения в поколение, аккумулированы моральные принципы и ценности, сформированные на протяжении веков и подтвержденные опытом многих поколений, а также нашли отражение особенности национального уклада, мировоззрение и менталитет русского человека:

«Сказка из походов слагается, присказками красуется, небылицами минувшими отзывается, за былями будничными не гоняется; а кто сказку мою слушать собирается, тот пусть на русские поговорки не прогневается, языка доморощенного

не пугается; у меня сказочник в лаптях; по паркетам не шатывался, своды расписные речи затейливой только по сказкам одним и знает» (Сказка о Иване, молодом сержанте: 4–5)¹.

Умело соединяя фольклорную и литературную традиции и используя в большинстве произведений первых циклов сказ как особый тип повествования, В. И. Даль вводит в его структуру образ рассказчика (сказочника) — Казака Луганского, имя которого присутствует в полных заголовках рассматриваемых циклов:

«...у меня сказочник — парень незадорный; ест пряники писанные, а говорит речи безграмотные; был-небылиц старинного веку наслушавшись, мелет не так, как слово к слову пригоняют, на безмен прикидывают, на аршин примеривают — упаси Бог! За эдаким письмом промаявшись, когда-нибудь без покаяния умрешь! — Нет, он мелет спроста, сплеча» (Сказка о Рогволоде и Могучане: 3).

Используя созданный в «Пятке первом» образ рассказчика, Даль уже от его имени пишет анонс издания «Былей и небылиц»:

«...кто мне по плечу, кто ровня, кто охóч до сказок и присказок русских, как и я грешный, тот берись за книжку мою...»².

В. В. Виноградов отмечал, что «формы сказа открывают в художественной литературе широкую дорогу причудливым смешениям разных диалектных сфер разговорно-бытовой речи с разными жанрами и видами речи письменной» [Виноградов: 120]. Действительно, одним из основных стилистических приемов Даля в рассматриваемых циклах является столкновение устных (часто фольклорных) элементов со штампами письменно-литературной речи, как прозаической, так и стихотворной.

¹ См. сборник 1832 г. «Русские сказки», «Сказка первая». Здесь и далее произведения В. И. Даля цитируются в современной орфографии и пунктуации по электронному ресурсу «В. И. Даль. Полное собрание сочинений в прижизненных публикациях» (см.: [Даль]) с указанием названия произведения и страницы в круглых скобках.

² Луганский В. Были и небылицы Казака Владимира Луганского // Северная Пчела. 1835. № 27. 1 февраля. С. 1.

В «Сказке о Рогволоде и Могучане царевичах» устно-речевой стихии сказа противопоставлен элемент письменный — образец сентиментального стиля:

«В это мгновение царевича поразило что-то необычайное; пение знакомое райских птиц раздалось, как далекий призывный голос, и заревом прозрачным окруженный лик, душе его знакомый, возрастая от светлой точки до естественной величины и лепоты своей, носился перед ним, как сон мечтательный. Он стоял, утопая душою в созерцании сладостном...» (Сказке о Рогволоде и Могучане: 36–37).

В «Новинке-диковинке» также встречаем интонационный сбой. Здесь он появляется с книжной речью «староверческого монастыря отшельника»:

«А придет скоро время <...> — будет мор, голод, война; будут младенцы сосать груди матерей своих, трупов; будет народ лыки жевать вместо хлеба насущного, пойдут все цари христианские, все земли крещенные войною на неверных, будут воевать Царьград и Иерусалим, Иерусалим бо есть пуп земли, и возьмут его и заспорят между собою зело, кто своим войском завоевал святую землю и кому надлежит честь и слава, и завраждуют вельми между собою» (Новинка-диковинка: 9–10).

Естественно, что на такое смешение, сталкивание устного и письменного при общей ориентации на устную речь читатель не мог не обратить внимание. Все подобные примеры «механической», искусственной речи выбивались из общего тона повествования, мешали ему, становились лишними. Так выполнялась авторская задача и авторская установка. Даль был одним из тех, кто видел свою задачу в том, чтобы обновить язык и дать новые темы для отечественной литературы. Но главным для него все же являлось «русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя <...> показаться в люди без особого предлога и повода³», — слово внутренне убедительное, кладезь народной мудрости.

В других циклах рассматриваемого периода роль рассказчика не столь значительна, как в «Пятке первом» и «Былях

³ Луганский В. Полтора слова о нынешнем русском языке // Москвитянин. 1842. Ч. 1. № 2. Отд. «Науки». С. 549.

и небылицах». Именно рассказчик у Даля связывает воедино разные произведения, обуславливает выбор и трактовку материала, определяет манеру повествования. У В. Т. Нарезного, например, рассказчик — это анонимный сказитель русских преданий, у В. Ф. Одоевского — «скромный и боязливый» ученый Ириней Модестович Гомозейка. В ряде циклов встречается разветвленная система повествователей: помещик из деревни, мечтатель и фантазер, просветитель — у Антония Погорельского; мудрый и жизнерадостный пасечник Рудый Панько вместе с дьяком Фомой Григорьевичем и паничем из Конотопа — у Н. В. Гоголя; простодушный Иван Петрович Белкин, записывающий истории, услышанные от разных людей, — у А. С. Пушкина. Включение множества рассказчиков в текст акцентирует определенное стилистическое разнообразие изложения, однако эти образы не проработаны детально, их голоса звучат неясно, а смена рассказчика практически не влияет на жанровые особенности произведения.

Образ рассказчика Казака Луганского, к которому в ряде сказок присоединяются сват Демьян и кума Соломонида, помогает ввести и органично соединить в отдельном произведении и в циклах в целом жанрово-стилевые модификации различных художественных систем. Уже в сказки «Пятка первого» Даль встраивал тексты народной лирической песни («Сказка о Иване молодом сержанте...»), героической песни («Сказка о Рогволоде и Могучане царевичах...»), а второй далеvский цикл поражает жанровым разнообразием. В «Былях и небылицах» писатель представил не только тексты отдельных прозаических жанров — повести, литературной сказки, «путешествия», притчи, — но и произведения, относящиеся к разным литературным родам: прозе, лирике, драме. Действительно, в состав «Былей и небылиц» входит пьеса («старая бывальщина в лицах») «Ночь на распутии, или Утро вечера мудренее». Ряд других произведений цикла представляют собой органичный сплав различных жанровых признаков: «Цыганка» — социально-бытовая этнографическая повесть; «Нападение врасплох» — бытовая повесть-анекдот; «Про жида вороватого, про цыгана бородатого» — бытовая сказка; «О Емеле-дурачке» — сатирическая сказка; «О Георгии Храбром

и о волке» — сказка с элементами притчи; «О нужде, о счастье и о правде» — философская сказка; «Илья Муромец» — «богатырская» сказка, представляющая собой «сложное взаимодействие сказки, былины, древнерусской повести и жития» [Захарова: 294]. В других циклах 20–30-х гг. XIX столетия не встречается такого жанрового разнообразия, как в «Былях и небылицах». Как правило, произведения в рамках одного цикла демонстрируют жанровую однородность, что часто подчеркивается в их названиях. В эпоху формирования прозаических жанров русской литературы писатели указанного периода уделяли особое внимание прежде всего повести, для сюжета используя в основном фольклорные источники. Отметим, что в некоторых циклах писатели разрабатывают только одну ее разновидность: В. Т. Нарезный — историческую, М. Н. Загоскин — «страшную» фантастическую. Творчество А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, конечно, выделяется новаторским подходом к жанрам. В их произведениях обнаруживаются замысловатые переплетения различных жанровых форм, что существенно затрудняет однозначную жанровую идентификацию. Однако еще раз подчеркнем, что в своих циклах 1820–1830-х гг., работая с жанром, авторы, как правило, не отступали от формата повести.

Использование в «Пятке первом» и «Былях и небылицах» реалистического и сказочного (фольклорного) планов, их смешение из-за употребления различных жанрово-стилевых приемов, противопоставление, переключение с одного плана на другой предопределили два будущих направления творчества Даля: фольклорное (сказки, сборник пословиц, Словарь) и реалистическое (повести, «картины», «досуги», «физиологические» очерки). Но и в реалистическом направлении автор «отождествляет себя лично и свою судьбу с народным мировосприятием» [Фесенко, 1999: 165]. В 1838 г. в письме к В. А. Жуковскому В. И. Даль мельком упоминает о своей творческой лаборатории:

«Но дело вот в чем, рассудите меня с собою сами: <...> надобно знать быт и жизнь народа, мелочные его отношения и обстоятельства, чтобы положить резкие тени и блес<т>ки света; иначе труды Ваши наполовину пропадут; поэму можно

назвать башкирскою, кайсацкою, уральскою — но она, конечно, не будет ни то, ни другое, ни третье. <...> Вам нельзя пригонять картины своей по моей рамке, а мне без рамки нельзя писать и своей!»⁴.

Таким образом, циклы В. И. Даля «Пяток первый» и «Были и небылицы» отражают новаторские поиски современной писателю прозы в области жанра и стиля и в то же время воспроизводят традиционные, знаковые для литературы определенной эпохи и народности жанровые и стилевые формы. В своих первых прозаических циклах Даль стремится представить жанрово-стилевую систему художественной литературы той поры в ее принципиальной целостности. Принцип воплощения народного духа, обнаруженный Далем и заключающийся в объединении фольклорной и литературной традиции, во многом предопределил пути развития русской прозы XIX в.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Проблема образа автора в художественной литературе // Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 105–211.
2. Даль В. И. Полное собрание сочинений в прижизненных публикациях. Петрозаводск, 1999–2002 // PHILOLOG.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.ru/vdahl/texts/texts.htm> (10.02.2025).
3. Захарова О. В. «Илья Муромец. Сказка Руси богатырской» В. И. Даля (проблема жанра) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 283–294 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2506> (10.02.2025). EDN: RUYKIF
4. Киреевский И. В. Обзорение русской литературы за 1831 год // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 101–114. (Сер.: История эстетики в памятниках и документах.)
5. Киселёв В. С. Циклизация в русской прозе конца XVIII — первой трети XIX в. Томск: Изд-во ТГУ, 2019. 164 с.
6. Лотман Ю. М. Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // Лотман Ю. М. О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб.: Искусство-СПб., 1997. С. 292–325.

---

⁴ Письмо В. И. Даля к В. А. Жуковскому от 30 мая 1838 г. // Даль В. И. Рукописное наследие. Записные тетради. Рукописи. Переписка. 1999–2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.ru/vdahl/rukopis/rukopis.htm> (10.02.2025).

7. Ляпина Л. Е. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 280 с. EDN: SFXVQV
8. Мущенко Е. Г., Скобелев В. П., Кройчик Л. Е. Поэтика сказа. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1978. 286 с.
9. Тарасов К. Г. Художественные тенденции цикла В. И. Даля «Пяток первый». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 106 с.
10. Фесенко Ю. П. Неопубликованное письмо В. И. Даля к Н. А. Полевому (вступ. заметка, публ. и коммент.) // Слобожанщина: науч.-метод. сб. литературовед. работ. Луганск, 1994. Вып. 1. С. 6–13.
11. Фесенко Ю. П. «Пяток первый» В. И. Даля как единый цикл // Пятые междунар. Далеvские чтения: к 200-летию основания г. Луганска: тезисы, статьи, материалы. Луганск: Изд-во ВУГУ, 1996. С. 122–140.
12. Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля: творческая эволюция. Луганск; СПб.: Альма-матер, 1999. 262 с.
13. Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь: Изд-во ТГУ, 1992. 124 с.
14. Юган Н. Л. Художественная специфика цикла В. И. Даля «Были и небылицы». Луганск: Альма-матер, 2006. 262 с. EDN: QTHOAX
15. Юган Н. Л. Сказочные опыты В. И. Даля (Казака Луганского) и его современников // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67). С. 128–134 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21011808_16618935.pdf (10.02.2025). EDN: RRUVOP

References

1. Vinogradov V. V. The Problem of the Author's Image in Fiction. In: *Vinogradov V. V. O teorii khudozhestvennoy rechi* [Vinogradov V. V. *On the Theory of Artistic Speech*]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971, pp. 105–211. (In Russ.)
2. Dal' V. I. The Complete Works in Lifetime Publications. Petrozavodsk, 1999–2002. In: *PHILOLOG.RU*. Available at: <https://philolog.ru/vdahl/texts/texts.htm> (accessed on February 10, 2025). (In Russ.)
3. Zakharova O. V. "Ilya Muromets. Rus Heroic Fairy Tale" by V. I. Dal (Problem of the Genre). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 283–294. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2506> (accessed on February 10, 2025). EDN: RUYKIF (In Russ.)
4. Kireevskiy I. V. Review of Russian Literature for 1831. In: *Kireevskiy I. V. Kritika i estetika* [Kireevsky I. V. *Criticism and Aesthetics*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 101–114. (Ser.: History of Aesthetics in Monuments and Documents.) (In Russ.)
5. Kiselyov V. S. *Tsiklizatsiya v russkoy proze kontsa XVIII — pervoy treti XIX v.* [Cyclization in Russian Prose of the End of the 18th — the First Third of the 19th Century]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2019. 164 p. (In Russ.)

6. Lotman Yu. M. The Problem of Nationality and Ways of Development of Literature of the Pre-Decabrist Period. In: *Lotman Yu. M. O russkoy literature: stat'i i issledovaniya* (1958–1993). *Istoriya russkoy prozy. Teoriya literatury* [Lotman Yu. M. *On Russian Literature: Articles and Researches* (1958–1993). *History of Russian Prose. Theory of Literature*]. St. Petersburg, Iskustvo-Spb. Publ., 1997, pp. 292–325. (In Russ.)
7. Lyapina L. E. *Tsiklizatsiya v russkoy literature XIX veka* [Cyclization in Russian Literature of the 19th Century]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1999. 280 p. EDN: SFXVQV (In Russ.)
8. Mushchenko E. G., Skobelev V. P., Kroychik L. E. *Poetika skaza* [The Poetics of the Tale]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1978. 286 p. (In Russ.)
9. Tarasov K. G. *Khudozhestvennyye tendentsii tsikla V. I. Dallya "Pyatok pervyy"* [Artistic Tendencies of V. I. Dahl's Cycle "Pyatok the First"]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2007. 106 p. (In Russ.)
10. Fesenko Yu. P. Unpublished Letter by V. I. Dahl to N. A. Polevoy. In: *Slobozhanshchina: nauchno-metodicheskiy sbornik literaturovedcheskikh rabot* [Slobozhanshchina: Scientific and Methodological Collection of Literary Works]. Lugansk, 1994, issue 1, pp. 6–13. (In Russ.)
11. Fesenko Yu. P. V. I. Dahl's "Pyatok the First" as a Single Cycle. In: *Pyatye mezhdunarodnye Dalevskie chteniya: k 200-letiyu osnovaniya goroda Luganska: tezisy, stat'i, materialy* [Fifth International Dahl Readings: to the 200th Anniversary of the Founding of Lugansk: Abstracts, Articles, Materials]. Lugansk, East Ukrainian State University Publ., 1996, pp. 122–140. (In Russ.)
12. Fesenko Yu. P. *Proza V. I. Dallya: tvorcheskaya evolyutsiya* [Prose by V. I. Dahl: Creative Evolution]. Lugansk, St. Petersburg, Al'ma-mater Publ., 1999. 262 p. (In Russ.)
13. Fomenko I. V. *Liricheskiy tsikl: stanovlenie zhanra, poetika* [Lyrical Cycle: Formation of the Genre, Poetics]. Tver, Tver State University Publ., 1992. 124 p. (In Russ.)
14. Yugan N. L. *Khudozhestvennaya spetsifika tsikla V. I. Dallya "Byli i nebylitsy"* [Artistic Specificity of V. I. Dahl's Cycle "True Stories and Tall Stories"]. Lugansk, Al'ma-mater Publ., 2006. 262 p. EDN: QTHOAX (In Russ.)
15. Yugan N. L. Fairy Tale Experiments of V. I. Dahl (Lugansk Cossack) and His Contemporaries. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2013, no. 1 (67), pp. 128–134. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21011808_16618935.pdf (accessed on February 10, 2025). EDN: RRUVOP (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Тарасов Константин Геннадьевич, Konstantin G. Tarasov, PhD (Филологический факультет, кандидат филологических наук, Associate Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1037-4973>; e-mail: kogetar@yandex.ru).

Поступила в редакцию / Received 01.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.04.2025

Принята к публикации / Accepted 01.05.2025

Дата публикации / Date of publication 30.05.2025